
К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ М. ЛЕРМОНТОВА «СОН»

Стихотворение «Сон» М. Лермонтов написал в мае–июне 1841 года. Это авторграф в альбоме В. Ф. Одоевского. История создания стихотворения была по-разному истолкована исследователями. Одни связывали его с именем В. А. Лопухиной, другие — с Е. П. Ростопчиной; последнее, по мнению Эйхенбаума, более вероятно. Е. А. Сушкова необоснованно считала, что поводом к созданию «Сна» послужило известие о ее предполагаемом браке с А. А. Лопухиным: Лермонтов будто бы предупреждал Сушкову, что вызовет ее жениха на дуэль. По этому случаю он написал стихотворение «Сон». С. Шувалов видел в стихотворении воздействие лирики Г. Гейне. Утверждалось также, что в стихотворении отразились и мрачные предчувствия, владевшие Лермонтовым после его последнего отъезда из Петербурга. Мотив сна о собственной смерти разрабатывался поэтом еще в ранней лирике, где прослеживаются напряженные поиски разгадки вечной тайны бытия (ср. «Ночь. I», «Смерть» — «Ласкаемый цветущими мечтами...»)¹.

Исследователь творчества Лермонтова и кавказовед Л. П. Семенов в книге «Лермонтов и Лев Толстой» (М., 1914) пишет, что замысел «Сна» мог быть внушен Лермонтову песней гребенских казаков «Ох, не отстать-то тоске кручи-нушке». В ней поется о добром молодце, который видит во сне, будто он лежит убитый, с простреленным сердцем «на дикой стене»².

Известный русский поэт Сергей Городецкий, который в годы Первой мировой войны побывал в Западной Армении, затем жил и творил в Закавказье, главным образом в Тифлисе, в местной газете «Кавказское слово» (10.VIII.1919 г.) напечатал статью «Lermontiana (по поводу стих. «Сон»)». В ней в новом свете рассматривается история создания и тема данного произведения, которое в свое время было необычайно популярно. Кстати, Г. Градовский называл тот же источник и сюжет стихотворения³, что и С. Городецкий.

Статья С. Городецкого нами впервые вводится в научный оборот.

АНУШАВАН ЗАКАРЯН

L e r m o n t i a n a

¹ См.: Лермонтовская энциклопедия. М., 1981, с. 522.

² См.: М. Ю. Л е р м о н т о в. Собр. соч. в четырех томах, т. первый, Стихотворения. М., 1985, с. 489.

³ См.: Лермонтовская энциклопедия, с. 522.

(По поводу стих. «Сон»)

В исследовании художественного творчества видное место занимает до сих пор еще загадочный вопрос о *происхождении* художественных произведений.

Какую роль играет в них реальное впечатление, как совершается таинственный процесс превращения фотографического отпечатка реальности в мозгу художника в «перла создания», по выражению Гоголя?

Как далеко должен идти и какой силы должен быть этот великий возбудитель фантазии, так сказать, отцовское начало, и в каком состоянии должна быть всепроникающая материнская среда, чтобы создать подлинное произведение искусства.

Все три вопроса психологии творчества еще только поставлены и далеко неразрешены.

Несомненно, что расстояние между реальным впечатлением, которое является возбудителем, и художественным произведением, которое, благодаря ему, родилось, огромно: приблизительно такое же, как от желудя до дуба, от семени до цветка. Но ясно также, что в реальном зародыше скрыта вся потенция порождения фантазии.

Исследованию всех этих вопросов сильно мешало недостаточное количество материала. Только об очень незначительном количестве художественных произведений знаем мы, откуда они зародились. В большинстве же случаев ни комментаторы, ни сам поэт не могут ответить на этот вопрос удовлетворительно.

При таких условиях большую ценность представляет каждый новый факт в этой области, в особенности если он касается поэтов великих и произведений всем известных.

Мы имеем счастливую возможность, благодаря любезности одного из ветеранов старого Кавказа, генерала П. Ф. Степанова, которому тут же приносим благодарность за сообщение им материала, обнародовать документ чрезвычайного интереса.

Документ этот – извлечение из записок генерала Степанова, помеченных 20 сентября 1877 года и носящих общее название «Под Карсом».

Генерал, участник многих исторических боев, многократно раненый, вел свои записки, как истинный летописец, тем мудрым и простым языком, которым умели писать старинные люди. А в круг его внимания входили не только описания боев, расположения войск и т. д., но и все, так сказать, впечатления бытия: одежда, нравы, легенды, встречи и т. д. Чисто литературная тема настоящей статьи не дает возможности остановиться на правдивых, резких, всегда с оттенком иронии, описаниях типов кавказской тогдашней армии, ее генералов, ее мародеров, ее карьеристов и ее героев.

Но среди этих последних был один, который именно и привлекает наше внимание – генерал фон Шульц.

Автор записок, тогда молодой офицер, описывает его в начале боя 20 сентября, перед штурмом Больших и Малых Яс<...>, и попутно сообщает его рассказ об истинном происшествии с ним, переданном им Лермонтову и послужив-

шим поэту темой известного стихотворения «Сон», необычайно в свое время популярного.

Приводим дословно интересующее нас место из записок ген. П. Ф. Степанова:

Сопровождающая фэзтон корпусного командира густая толпа всадников, чрезвычайно разнообразная по составу, представляла богатый материал для наблюдений: царила смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний; ничего связующего не было между этими людьми, громадное большинство которых находилось здесь не ради общего дела, а для ловли счастья и чинов – с наименьшим для себя риском. Были однако и редкие <...> образчики донкиходства, заслуживающие высокого уважения, и наиболее почтенным представителем которых был, между прочим, престарелый генерал Шульц, ехавший рядом со мной, на маленькой буланой лошадке, одетый в летнем пальто: он очень стеснял меня, так как я опасался, чтобы мой лягавшийся конь не зашиб старика, о котором уместно сказать несколько слов. Спокойно на родине доживает он свой век; но при первых выстрелах, покинул тихое убежище и помчался на дорогой ему Кавказ, «драться с турками», как говорил он; действительно, он участвовал во всех делах, но только в качестве зрителя, так как весьма преклонные годы и слабость зрения исключили всякую возможность активной для него деятельности на бранном поле. Этот, среднего роста, тщедушный старик, притом израненный, равнодушно и без ущерба здоровью, переносил все невзгоды походной жизни, тяготившие и молодых людей. Впервые я увидел этого генерала спартанца с пылкой, несмотря на годы, душой, за обедом у бывшего начальника 19 пехотной дивизии – покойного Д. В. Комарова, командовавшего тогда войсками в Заимском лагере. Генерал Шульц был интересный собеседник, охотно предававшийся воспоминаниям о событиях давно минувших лет, и однажды привлек общее внимание рассказом об одном странном случае из его богатой приключениями молодости, когда он в чине штабс-капитана генерального штаба, участвовал в одной из экспедиций в Дагестан в отряде генерала Граббе. В жестоком бою, при штурме Ахульго, он был тяжело ранен пулей в грудь и свалился в кручу; завалы между тем были взяты, и горцы бежали, преследуемые нашими войсками, незаботившимися в пылу боя о раненых и убитых, почему Шульц и пролежал в обмороке несколько часов, никем не замеченный, и только случайно был найден со слабыми признаками жизни; после перевязки он уснул, и грезился ему блестящий бал на родине, и какая-то грустно на него глядевшая девушка, черты которой глубоко врезались в его память... Оправившись несколько, поехал он доканчивать лечение в Пятигорск, где и рассказал Лермонтову свое видение, послужившее нашему бессмертному поэту темой для одного из прелестнейших его стихотворений «Сон». Но удивительнее всего то, что Шульц впоследствии встретился на одном бале с виденной им во сне на боевом поле особой и женился на ней. Присутствовавший при этом рассказе полковник граф Граббе добавил, что его отец, в представлении к наградам наиболее отличившихся офицеров, против штабс-капитана Шульца написал такую репликацию: «Первый на штурме, последний при отступлении. В три лица четыре

раны: полагаю наградить следующим чином». Но император Николай Павлович соизволил произвесть штабс-капитана Шульца прямо в подполковники.

Теперь приведем стихотворение Лермонтова.

Сон

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я,
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.
Лежал один я на песке долины,
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном.
И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне;
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.
Но, в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена.
И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той
В его груди, дымясь чернела рана
И кровь лилась хладеющей струей.

Для сравнения обнажим содержание рассказа ф. Шульца и стихотворения «Сон».

Рассказ ф. Шульца: Раненый пулей в грудь, я свалился в обрыв, лежал в обмороке. Поднятый со слабыми признаками жизни, был перевязан и уснул. Во сне видел блестящий бал и грустно глядевшую на меня девушку. Эту девушку потом встретил и на ней женился.

Стихотворение «Сон»:

Убитый в грудь я лежал мертвый. Мне снился пир, в котором «юные жены» весело разговаривали обо мне. Среди них сидела одна, с душой погруженной «в грустный сон». Ей снился мой труп, лежащий в долине.

Поразителен этот перевод случая из военной жизни на язык поэзии, сделанный Лермонтовым.

Весь Лермонтов здесь. И способ, каким он вытравляет прозу из темы, тот же самый способ гиперболической романтики, которым он создает бессмертные свои образы Мцыри, Демона и др.

Что его пленило в рассказе Шульца и заставило отдать его теме минуту своего гениального вдохновения?

Конечно, тема трагической любви и погибающего героя – чисто лермонтовская тема. Одним ударом он перестраивает тему и сразу берет «до» романтики: герой убит. Обморок, перевязка, сон, и в будущем счастливая свадьба – это все ненужная шелуха жизни, это все отбрасывается.

Герой убит.

Но смерть его не мертва. Романтики мертвой смерти не знали. Жизнь его длится и после смерти. Дружа, как все романтики, с реализмом (см. книгу Пелтссье «Романтика реализма»), Лермонтов, в начальном описании давая картину смерти («недвижим я, мертвым сном»), не ставит последнего слова «труп», приберегая его для конца.

В этом романтическом сне герой видит «юную жену».

Здесь прелестная деталь, почти автобиографическая: увенчанные цветами юные жены весело разговаривают о герое: он молод, его тщеславие удовлетворено.

Но одна из них грезит. Этот сон, среди пира, так же романтичен, как сон мертвого, так же антиреален. И также тактично Лермонтов избегает здесь ссоры с реализмом, «и в грустный сон» погружена не сама «жена», а «душа ее младая».

(Этот сон – все тот же лермонтовский сон о «звуках небес»).

Девушке снился «знакомый труп» – резкий удар реализма. Читатель возвращен к началу стихотворения, – и тем тоскливей начинает ощущать он романтическое томление.

И сладостное удовлетворение дает поэт читателю: герой погиб, героиня одна, но тайный и счастливый брак заключен между ними, там, среди «звуков небес», где снятся сны.

Такой шедевр – по сочетанию реализма и романтизма – создал Лермонтов на основании рассказа ф. Шульца.

Во всякой другой душе, не лермонтовской, зерно это погибло бы. Но во влажной почве, в этой жадной земле лермонтовского гения, рассказ офицера вырос в дивную поэму, которую пели, которой зачитывались два или три поколения и которая до наших дней сохранила неувядаемое очарование.

Сергей Городецкий